

Хвостов А.Н.

**Русские и сербы в войну 1876 года
за независимость христиан**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Х33

Х33 **Хвостов А.Н.**
Русские и сербы в войну 1876 года за независимость христиан / Хвостов А.Н. – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 81 с.

ISBN 978-5-521-29022-2

ISBN 978-5-521-29022-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНІЕ.

Русскіе добровольцы, являясь въ Россію въ раздраженномъ состояніи отъ испытанныхъ ими лишеній и пуждъ, часто бранятъ сербовъ и взваливаютъ на нихъ всевозможныя обвиненія; русское же общество, рѣдко или почти совсѣмъ не встрѣчая что-либо въ защиту сербскихъ начальниковъ и народа, очень часто приходитъ къ одностороннему заключенію и такъ, или иначе, болѣе или менѣе, склонно думать, что дѣйствительно сербы виноваты въ неудачѣ славянскаго движенія. Сербы, въ свою очередь, всѣ бѣдствія свои сваливаютъ на русскихъ и я скажу правду, если выражусь, что до войны сербы насъ не знали и любили, теперь же они, познакомившись,—ненавидятъ. Мнѣ хотѣлось бы въ этихъ замѣткахъ уяснить наши отношенія и разность взглядовъ. Общественное мнѣніе не должно идти слѣпо съ вожаками и не оправдывать парадоксъ, что единству славянъ препятствуетъ собственная неурядица; но слѣдуетъ продолжать общее дѣло съ увлеченіемъ и довѣріемъ другъ къ другу.

Г Л А В А I.

Бросивъ всѣ свои дѣла, я 31 августа выѣхалъ изъ Петербурга во Владикавказъ, чтобы на свой счетъ сформировать кавказскій дивизионъ изъ терскихъ и кубанскихъ казаковъ для Сербіи. Впослѣдствіи вице-президентъ Московскаго Славянскаго Комитета И. С. Аксаковъ предложилъ выдавать по 20 коп. суточныхъ на человѣка и перевезти за границу на свой счетъ. Обѣхавъ Сунджу, Терскъ, Кубань и Лабу на пространствѣ до 2 тысячъ верстъ, я могъ бы собрать нѣсколько полковъ, но передъ самымъ отправленіемъ вышло распоряженіе военнаго начальства, — не отпускать за границу казаковъ 1 и 2 призывовъ. Такъ какъ большинство добровольцевъ состояло изъ этихъ двухъ разрядовъ, то я такимъ образомъ лишился многихъ изъ нихъ и отправился въ Сербію во главѣ 6 человѣкъ офицеровъ и 120 нижнихъ чиновъ. Впрочемъ, почти столько же предположало присоединиться къ моему отряду уже въ Бѣлградѣ. Наше даровое путешествіе по желѣзнымъ дорогамъ имѣло видъ триумфа; вездѣ встрѣчали насъ обѣдами и завтраками, а когда мы ѣхали на пароходѣ изъ Ростова въ Таганрогъ, то пароходъ разцвѣтился флагами и стрѣляли изъ пушекъ. Высокій ростъ, воинственный и почтенный видъ кавказцевъ, изъ которыхъ чуть не половина георгиевскихъ кавалеровъ и почти всѣ увѣшанные орденами и медалями въ память войнъ, въ папахѣхъ, буркахъ — приводили всѣхъ въ восторгъ. Когда нѣкоторые отплясывали лезгинку съ оружіемъ въ рукахъ и зубахъ, то предѣлу удивленія и крикамъ „браво“ не было конца. Заграницей, въ Румыніи, тоже поражались ихъ бравымъ видомъ. Толпа народа не могла оторваться, преслѣдовала насъ до мѣста гостиницы, а маленькій жандармскій капитанъ, провожавшій насъ съ дебаркадера, съ сіяющимъ лицомъ воскликнулъ: *Ah, que je voudrai bien embrasser tous vos braves casaques!* (о, какъ

бы и хотѣли обнять всѣхъ вашихъ молодцовъ казаковъ!). Въ самомъ веселомъ расположеніи духа ѣхали мы по желѣзнымъ дорогамъ до Туринъ-Северина; остановки и ночлеги въ городахъ, разнообразили поѣздку. Впрочемъ, *point de roses sans épines*, нѣкоторые столкновенія съ полупьяными добровольцами отравляли наше расположеніе духа и иногда приходилось краснѣть за нѣкоторыхъ соотечественниковъ. Этотъ недисциплинированный сбродъ дѣлалъ страшный диссонансъ между моими стариками, державшими себя какъ истые джентльмены; я только и думалъ, какъ бы отдѣлать овецъ отъ козлищъ. Партіонные ихъ начальники были просто мученики. Одинъ изъ нихъ, на одной изъ станцій, юноша, только что окончившій университетъ, подошелъ ко мнѣ весь блѣдный, съ просьбою помочь ему раздѣлаться съ однимъ изъ буяновъ, грозившимъ его удушить, если онъ не выдастъ ему за нѣсколько дней впередъ денегъ. Я тотчасъ же вынужденъ былъ броситься къ нему и пострадалъ, что накажу его тутъ же на станціи; такая энергичная рѣчь военнаго человѣка подѣйствовала на него отрезвляюще и изъ отъявленнаго каторжника онъ превратился въ ягненка. Правда, иногда и было чѣмъ раздражаться людямъ: на станціяхъ ихъ обманывали и брали съ нихъ за все немилосердно дорого. Когда на одной изъ нихъ хозяинъ изъ евреевъ былъ уличенъ въ этомъ и русскіе протестовали, то онъ, нисколько не стѣсняясь, объявилъ, что положенная цѣна существуетъ только для мѣстныхъ жителей, а не для проѣзжающихъ русскихъ. Подобное нахальство привело въ ярость добровольцевъ и они приступили ко мнѣ съ просьбою выдать имъ нагайки, чтобы проучить жида, и чуть не отколодили его. Съ большимъ трудомъ пришлось мнѣ удержать расходившихся. Я говорилъ, что въ душѣ я и явившійся полицеймейстеръ, какъ онъ объявилъ намъ, были бы рады, если бы хозяину досталось въ тихомолку, но иначе немедленно разнесутъ этотъ поступокъ въ иностранныхъ газетахъ по Европѣ и мы еще болѣе раздражили бы несочувственно о насъ отзывающихся иностранцевъ. Къ вечеру мы подѣхали къ Туринъ-Северину. Грандіозность спуска съ горъ, огоньки внизу, въ городѣ, видъ Дуная и близость Сербіи и конца ожиданіямъ—переполнили наши чувства. Всѣ были въ какомъ-то упоеніи, грудь вздымалась высоко, глаза блестѣли, прерывающіяся рѣчи выражали общую радость; чаша казалась переполненною, и мы, какъ будто по электрическому току, разразились гром-

кимъ русскимъ ура! Какой-то англичанинъ, корреспондентъ „Теймса“, видя беззаботность и веселость нашихъ добровольцевъ, отправляющихся на битву, писалъ, что русскіе ему напомнили крестовые походы. Относительно экзальтаціи русскихъ, — это совершенно вѣрно; только одно мнѣ изъ исторіи неизвѣстно, дѣлали ли крестоносцы Европы такіе скандалы, какъ наши? Мнѣ поведение ихъ скорѣе напомнило замѣстителей въ болѣе близкое для насъ время. Приѣхавъ въ Турнъ-Северинъ, мы скоро размѣстились по гостинницамъ и кофейнямъ, благодаря обязательной предупредительности г. М-ли, отставного русскаго офицера, женатаго на румынкѣ и приѣхавшаго изъ Бухареста нарочно для содѣйствія русскимъ. Вскорѣ кафе-ресторанъ былъ наполненъ вновь прибывшими и возвращающимися изъ Сербіи русскими. Интересъ слышать и видѣть уже бывшихъ въ огнѣ былъ неописанный; всѣ съ жадностію осаждали очевидцевъ и выслушивали длинныя сказанія о бѣлствіяхъ и нуждахъ, постигшихъ страну. Вообще, на первыхъ же порахъ, еще не вступая на сербскій берегъ, чувствуешь какое-то разложеніе и деморализацію отъ всего, что только соприкасалось съ этимъ народомъ. Отъ возвращающихся раненыхъ и здоровыхъ добровольцевъ вы только и слышите одну брань на разные мотивы; бранятъ страну, сербовъ и администрацію, по главнымъ образомъ генерала Черниева и его штабъ. Корреспондентамъ газетъ тоже доставалось: „Приѣхавъ въ Россію, перваго, кого я изобью, будетъ корреспондентъ“, говоритъ доброволецъ съ повязкою на рукѣ. „Убить ихъ надо“, добавляетъ другой... — «Не стоитъ, господа, ѣхать», говоритъ въ трехъ мѣстахъ раненый капитанъ въ сербской формѣ: — сербы не хотятъ драться; мы, русскіе, — жертвы; они бѣгутъ, оставляя насъ ранеными на полѣ сраженія. Я служилъ у Медвѣдовскаго въ отрядѣ; такого-то числа, утромъ, на разсвѣтѣ, онъ сказалъ намъ: — Господа! будетъ сраженіе; моя папаха укажетъ вамъ мѣсто, гдѣ я буду. Мы, русскіе охотники, и черногорцы начали дѣло, ворвались въ ближайшій шанецъ, патискъ былъ горячій, онъ достался намъ легко. Выбивши турокъ изъ перваго, мы взяли второй и третій; но уже четвертый шанецъ достался намъ съ трудомъ. Затѣмъ, мы очутились подъ перекрестнымъ огнемъ, турки двигались на насъ массой, насъ никто не поддержать и мы погибли. Но ни Медвѣдовскаго, ни его папaxy, — мы не могли найти. Я былъ раненъ. Меня потащилъ черногорецъ; какимъ образомъ

я не попался въ плѣнъ, — я не знаю. Турки преслѣдуютъ нерѣшительно. Да! Начало было превосходно и поддержи насъ, приди на помощь—дѣло было бы выиграно!!“—„А это что за люди“? спрашивали мы, указывая на пять человѣкъ въ сербской формѣ, сидѣвшихъ поодаль за столомъ; одинъ изъ нихъ былъ безъ глаза.—„Они получили очень мало денегъ отъ генерала Д—ля и не могутъ добраться до Россіи“.—Видъ своихъ, раненыхъ и въ нуждѣ, произвелъ въ насъ сочувствіе, начали поговаривать о складчинѣ.—„Но, подождите, подождите, господа“, сказалъ интонирующимъ голосомъ какой-то статскій, тутъ же обѣдавшій, какъ оказалось, докторъ, возвращающійся въ Кіевъ.—„Я говорю, что этого безглазого встрѣтилъ такимъ же еще въ Кіевѣ. Онъ потерялъ его не въ Сербіи, какъ онъ утверждаетъ, а еще на родинѣ. Уполномоченный славянскаго комитета выдаетъ все, что слѣдуетъ, чтобы доѣхать до мѣста. Я опять-таки утверждаю, господа, что это—ложь и шарлатанство. Онъ третьяго дня просилъ у меня денегъ и я отправлялъ его въ Кладово къ коменданту; но ему не нравится служить, здѣсь лучше шататься и кланяться“. Столь ясное и энергическое разоблаченіе, конечно, живо охладило наши соболѣзнованія и мы не дали нашимъ соотечественникамъ ни гроша. Ыхавшіе обратно въ Россію часто говорили, что отправляются по порученію генерала Черняева; разъ всѣ трое, ѣхавшіе вмѣстѣ, объявили намъ это. Мы, конечно, сомнительно на нихъ смотрѣли, такъ какъ Черняевымъ было заявлено въ газетахъ, что онъ не посылалъ никого, кромѣ своего адъютанта Д—ва; но наша недовѣрчивость несколько не смущала ихъ и они продолжали фигурировать въ своихъ сербскихъ чистенькихъ костюмахъ. Въ Бѣлградѣ я былъ лично остановленъ на улицѣ юношей, раненымъ въ ногу. „Вы только-что пріѣхали“? спросилъ онъ, растягивая слабымъ голосомъ и сжимаясь отъ сильной боли.—„Да“, отвѣчалъ я.—„О, Боже мой, все что вы можете сдѣлать лучшаго, это бѣжать, бѣжать отсюда немедленно, безъ оглядки. Сербы не могутъ и не хотятъ драться. Черняевъ и его штабъ никуда негодятся. Во время дѣла распоряженія не отдавались и тамъ не знали, что дѣлается. Мы не знаемъ, чѣмъ жить, не имѣемъ никакихъ средствъ, тогда какъ штабные пьянствуютъ, заливаются шампанскимъ и проигрываютъ цѣлыя кучи золота. Я представленъ къ медали и кресту, но мнѣ не нужно ничего. Вотъ уже двѣ недѣли жду денегъ, шатаюсь и

молю Бога, чтобы унесъ меня изъ этого омута. Повѣрьте мнѣ, уѣзжайте, вы будете тогда благословлять судьбу. Вспомните меня, пожалѣйте, да будетъ поздно!» Чистосердечная рѣчь, юность и бо-
лѣзненные, но блестящіе глаза непріятно подѣйствовали на меня, и съ оттѣнкомъ грусти, какъ бы оправдываясь не въ недовѣріи къ его словамъ, а въ невозможности исполнить его совѣтъ, сказалъ, что я не одинъ, а связанъ съ отрядомъ и не могу уѣхать раньше того, пока не кончу всего дѣла. Впрочемъ, какъ всегда и вездѣ, вы встрѣтите мнѣнія, совершенно противоположныя. Если вы спросите штабнаго или одного изъ начальствующихъ русскихъ лицъ, то онъ сейчасъ всю вину свалитъ на военнаго министра Николича, или сошлется на извѣстный парадоксъ, что счастье на войнѣ первая сила; а иногда болѣе или менѣе крѣпко побранитъ и Черплева. Но вообще въ этомъ хаосѣ разнорѣчивыхъ показаній совершенно терялся. Вы мало по малу чувствуете, что вы теряете почву подъ ногами; колеблетесь и не знаете кому вѣрить. Вы начинаете подозрѣвать страшную правду и въ тоже время вамъ не хочется разстаться съ иллюзіей, съ которой вы какъ бы давно сроднились. Гдѣ я? куда я попалъ? Не есть ли Сербія, во главѣ съ русскими, сумасшедшій домъ громаднаго размѣра, гдѣ сторожа куда-то поцрятались. Вообразите положеніе, очутиться между людьми, потерявшими голову или сумасшедшими?!

Г Л А В А II.

Движеніе добровольцевъ изъ Россіи, сначала слабое и болзливое, со смертію Кирѣева быстро двинулось впередъ. Первые люди, славыпофилы, борцы идеи, отличались нравственными качествами, поведеніе ихъ было безупречно и они были желанными гостями въ Сербіи. Появленіе русскаго было торжествомъ. На нихъ смотрѣли, какъ на людей культурно высшихъ; сербы принимали ихъ радушно, съ восторгомъ; незнакомые пожимали имъ руки, оказывали всевозможное содѣйствіе и зачастую отказывались брать съ нихъ за что бы ни было деньги. Но близилось разочарованіе. За подобными людьми двигалась масса другого сорта, которыхъ занимала не идея,

а просто разгульная, безшабашная жизнь, или только желаніе, наконецъ, приткнуться къ какому-нибудь дѣлу; люди праздные, безъ мѣстъ и опредѣленнаго занятія, очень часто преступные, состоявшіе подъ судомъ или слѣдствіемъ. Поговаривали даже, что бѣжало въ Сербію нѣсколько приговоренныхъ къ каторгѣ. Славянскіе комитеты охотно и много давали денегъ, а имъ только того и нужно было. Получая вспоможеніе, многіе даже не выѣзжали совсѣмъ съ мѣста отправления, а иные доѣзжали до полъ-дороги и требовали прибавки, угрожая иначе не доѣхать; нѣкоторые изъ нихъ занимались сборомъ въ свою пользу открыто, или подъ предлогомъ для бѣдствующихъ славянъ; одинъ, даже въ Одессѣ, ходилъ въ сербской генеральской формѣ, собирая подаваніе. Многіе добровольцы не могли уяснить себѣ хорошенъко, въ чемъ дѣло. Нѣкоторые смѣшивали Сербію съ Персіей и не понимали, какъ это въ Персіи боятся черкесовъ; они полагали, что ихъ нанимаютъ на службу для борьбы съ людьми, передъ которыми христіане по малочисленности своей пасуютъ, и старались продать свои услуги какъ можно дороже. Нѣкоторые добровольцы, услуги которыхъ особенно цѣнились, напримѣръ донскіе казаки, ѣхали въ Сербію лишь подъ условіемъ выдачи имъ по 50 рублей на семью. Большинство этихъ людей, не имѣя ничего и нуждаясь въ самомъ необходимомъ у себя дома, превращаясь въ добровольцевъ, были требовательны и щепетильны къ малѣйшимъ неудобствамъ; получая въ сутки по 1 рублю и больше, т. е. содержаніе американскаго солдата, они роптали на недостаточность. Выраженіе неудовольствія начиналось еще въ Кншиневѣ, этомъ сборномъ пунктѣ для отправления за границу. Сталкиваясь съ другими партіями, они говорили: „Чѣмъ же мы хуже другихъ? Нѣтъ, тутъ что-то не чисто“, и начинали подозрѣвать въ злоупотребленіяхъ своихъ партіонныхъ начальниковъ. Приходилось напоминать священную цѣль поѣздки и объяснять, что славянскіе благотворительные комитеты вольны выдавать по своему усмотрѣнію однимъ больше, а другимъ меньше; что это не казна, которая руководствуется во всемъ общими неизмѣнными правилами, и въ заключеніе утѣшать, что въ Сербіи будутъ всѣ на одинаковомъ положеніи. Между тѣмъ, во время пути, они производили повальное пьянство и скандалы, иногда выходящіе изъ предѣловъ приличія и доходящіе даже до цинизма; заводили между собою ссоры и драки, стрѣляли изъ револьверовъ и крали другъ у друга.

Такъ ѣхалъ со мною помѣщикъ Тверской губерніи Х. Онъ былъ лѣтъ 60-ти, высокаго роста, плотный мужчина, сѣдой, съ козлиной бородкой. Этотъ Х. представлялъ симпатичный типъ стараго кавалериста-помѣщика, добродушнаго малаго и превосходнаго товарища; онъ былъ въ оригинальномъ костюмѣ, взятомъ имъ изъ гардероба своего бывшаго театра: въ длинныхъ сапогахъ, весь въ сѣромъ, въ красномъ мефистофельскомъ плащѣ и въ разноцвѣтной шапочкѣ съ кисточкой, въ родѣ *bonnet de police*. Вооруженный съ головы до ногъ, что называется съ цѣлымъ арсеналомъ оружія, сдѣланнаго нарочно, паказъ, для этого крестоваго похода, онъ своимъ фантастическимъ нарядомъ положительно приковывалъ къ себѣ глаза всѣхъ,—и что же? Несчастный баричъ, безъ прислуги, забывавъ все, что дѣлаетъ и куда что кладетъ, обобранный дорогою, явился въ Сербію почти совсѣмъ разоруженнымъ. Партіонныхъ пачальниковъ не слушались; волонтеръ не считалъ обязанностію повиноваться людямъ иногда молодымъ, воспитаннымъ и невоеннымъ; случалось, что несчастныхъ буквально брали за горло или били, требуя денегъ,—въ противномъ случаѣ грози убитъ тутъ же на мѣстѣ. Однимъ словомъ, добровольцы были въ полномъ невѣдѣніи своихъ правъ и обязанностей и, по мѣрѣ удаленія ихъ изъ Россіи, неудобольствія росли прогрессивно; такъ, что при вступленіи на сербскую землю, раздражительность и требовательность русскихъ переходили всякіе предѣлы. Непонимая страны, куда они попали, и терия лишенія, неизбѣжныя при всякомъ неожиданномъ скопленіи народа, они скептически относились къ невозможности удовлетворить безотлагательно всѣмъ ихъ требованіямъ, большею частию нелѣпымъ, и вездѣ подозрѣвали злоупотребленія то партіонныхъ начальниковъ, то сербскихъ властей. Хотя комитеты направляли всѣхъ добровольцевъ прямо въ Бѣлградъ, гдѣ они должны были явиться къ уполномоченному отъ комитетовъ и получать все необходимое для отправки въ армію, однако ѣхавшіе чрезъ Румынію направлялись въ Кладово, въ надеждѣ отправиться немедленно въ Бѣлградъ на пароходѣ или пѣшкомъ. Такимъ образомъ въ этомъ небольшомъ въ 1—1½ тысячъ жителей, но богатомъ мѣстечкѣ скопилось въ одно время слишкомъ 600 человекъ русскихъ. Въ казармахъ не доставало мѣстъ и приходилось размѣщать ихъ въ частныхъ квартирахъ. Пьяные и буйные (что у простаго русскаго человѣка почти неразрывно) они приводили въ трепетъ власти и

мирныхъ жителей; послѣдніе со страхомъ смотрѣли на эту толпу ругавшихся и противились размѣщенію, затворяя передъ нихъ носомъ двери. Комендантъ крѣпости, въ вѣдѣніе котораго поступали добровольцы, и префектъ округа, т. е. губернаторъ, люди воспитанные и деликатные, куда-то спрятались; они, не видя никакой возможности удовлетворить въ скоромъ времени нашимъ требованіямъ, скрывались отъ насъ, боясь подвергнуться личнымъ оскорбленіямъ. Я лично искалъ перваго нѣсколько часовъ, вертясь около его дома и тщетно желая его видѣть. Когда онъ, убѣдившись по моему голосу, что это именно былъ я, тихо, какъ бы крадучись, вышелъ изъ своей засады съ словами: „Ah! c'est vous, monsieur X“?! разсыпался въ любезностяхъ и покорно просилъ успокоить добровольцевъ въ томъ, что по возможности скоро будутъ отведены имъ квартиры и выдано продовольствіе. Мнѣ самому съ трудомъ пришлось уговорить одну старушку-домовладѣлицу впустить меня къ себѣ на постой. Ни предложеніе денегъ, ни увѣреніе, что я принадлежу къ начальственнымъ лицамъ и что поведение мое будетъ безупречно, ничто долго ее не трогало; только угроза старосты поставить къ ней на постой рядовыхъ вдругъ сломила ея упрямство. Впослѣдствіе она оказалась очень почтительной женщиной и дотога деликатной, что приходилось уговаривать ее брать съ меня деньги. На вопросъ мой, почему она сопротивлялась принять меня къ себѣ въ домъ, она чистосердечно созналась, что одинъ видъ пьянаго, буйнаго русскаго человѣка приводилъ ее въ трепетъ. Я былъ свидѣтелемъ другой сцены: одна хозяйка положительно забаррикадировалась противъ русскихъ; она, какъ фурія, съ растрепанными волосами и сверкающими глазами защищала свое убѣжище отъ офицеровъ и старосты, деликатно упрашивавшихъ ее впустить „братьевъ руссовъ“. Всѣ прибывшіе русскіе немедленно зачислялись на продовольствіе отъ сербскаго правительства. Провизія, мясо и хлѣбъ всегда были свѣжіе, въ достаточномъ количествѣ. Недостатокъ посуды и котловъ дѣлалъ невозможнымъ накормить всѣхъ обѣдомъ и ужиномъ вмѣстѣ, въ опредѣленные часы, а однимъ приходилось ожидать, пока не кончатъ другіе; но наши и здѣсь не всегда были сдержанны, являлись драки за посуду и котлы, грозили чуть не убить другъ друга. Общаго начальника не было; некому было разобрать жалобы, распорядиться сформированіемъ маршевыхъ частей и отпавкою на позицію. Люди по цѣлымъ недѣ-